

Марина Ветрова

Измена мужа.
Ты отправил меня в психушку
ради любовницы!

Марина Ветрова

**Измена мужа. Ты отправил меня
в психушку ради любовницы!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты отправил меня в психушку ради любовницы! /
М. Ветрова — «Автор», 2026

В три часа ночи умная колонка заговорила голосом мужа. Нежные слова предназначались не мне.— Тебе показалось, Алина. Тебе нужно лечиться! Вскоре Денис заблокировал мои банковские карты, выгнал из дома вместе с детьми, а затем отправил меня в психиатрическую клинику. Его любовница уже примеряла роль хозяйки моей жизни. Они подготовили поддельный диагноз, чтобы отобрать у меня двойняшек и всё имущество. Но мой друг детства, судебный IT-эксперт Виктор, обнаружил то, чего предатели не предусмотрели. Теперь их собственный умный дом станет свидетелем обвинения. А мужчина, который называл меня безумной, ещё будет умолять о прощении. Только я больше не вернусь.

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты отправил меня в психушку ради любовницы!

Глава 1

3:17 ночи. Тишина в нашей квартире стоила тридцать миллионов рублей.

Мы жили на сорок втором этаже ЖК «Патриот», с окнами на Москва-реку. Машин в спальне не слышно, только вентиляцию. Ее гул обычно усыплял меня. За годы я выучила каждый ночной щелчок, но этот не узнала.

Щелкнуло снова — у самой кровати. Секунду я ждала, что Денис потянется выключить звук.

Открыла глаза. В полумраке спальни горели индикаторы умного дома. Голубые огоньки Yandex Station на прикроватной тумбочке то разгорались, то гасли. Приподнялась на локте: теперь в колонке шуршало, и я боялась пропустить слово.

— Милый, я уже соскучился по твоим рукам...

Денис. Я узнала, как он растягивает первое слово, когда ему хочется, чтобы его обняли. Мне он так говорил в отпуске — еще до детей. Теперь голос шел из колонки, а сам Денис лежал рядом, поджав под щеку угол кашемирового одеяла. Я смотрела на его рот. Губы чуть разомкнуты, дыхание ровное. Он даже не пошевелился.

Следом кто-то рассмеялся. Слишком коротко, чтобы я узнала человека; достаточно, чтобы услышать: смеются не надо мной, обо мне вообще не помнят. Я ждала следующего слова. Колонка мигнула и умолкла.

В комнате стало еще темнее. И холоднее.

Села на край кровати, но поставить ноги на пол получилось не сразу: ступни ничего не чувствовали. «Милый». Кому он так говорит? Взяла телефон с его тумбочки. Экран потребовал код. Шесть знакомых цифр, большой палец поверх края экрана, чтобы свет не попал Денису в глаза. Он повернулся, и я едва не положила телефон обратно. Но глаза остались закрыты.

В «Доме с Алисой» не было ничего про запись. Я пролистала историю до вчерашнего вечера и вернулась назад. Пусто. Так же пусто, как бывает, когда дети уверяют, что никто не трогал варенье, а я держу липкую крышку. Только спросить сейчас было страшнее.

Зашуршала простыня. Денис открыл глаза и сощурился от света телефона. Захотелось сразу рассказать ему, чего я испугалась, придвинуться под его руку, как раньше. Он посмотрел на экран в моих руках и сдвинул брови.

— Что случилось? — спросил он хрипло. Голос был сонным, тяжелым. — Почему ты не спишь? Алина, время три часа ночи.

Он потянулся за телефоном. Его пальцы коснулись моих — горячие после сна. Почти разжала пальцы, как делала всякий раз, отдавая ему телефон. Потом прижала его к себе, раньше, чем Денис успел взять.

— Кто такой «милый»? — прошептала я. Вопрос сорвался прежде, чем я успела его обдумать.

Денис замер. На мгновение в его лице мелькнуло что-то странное — тень удивления или расчета? — но тут же исчезло. Он забрал телефон, разблокировал экран и начал быстро листать настройки.

— Ты опять параноишь? — Денис приподнялся на подушке. Я уже слышала этот тон, когда он объяснял коллегам, почему их серверы падают. Перебивать его тогда никто не

решался. — Это тест ассистента. Мы обновляли прошивку перед деловой встречей завтра. Старый черновик голосового сообщения залип в кэше облака. Случайный баг. Я говорил тебе, что IT-софт иногда ведет себя как ребенок, которому дали игрушку без инструкций.

Денис перестал листать настройки и ждал. Я знала эту паузу: следующим должно было прозвучать мое «Ну ладно». Потом он вздохнул, целовал в лоб — и я извинялась за то, что испугалась.

— Баг? — Я сама услышала, как жалко это прозвучало. Он дал название, и мне полагалось успокоиться. Но запись играла его голосом, а объяснял он только поведение колонки.

— Да, баг, Алина. Спи. Завтра у детей школьная линейка, а у меня презентация для инвесторов. Мне нужен свежий мозг, а не истеричка в три часа ночи.

Телефон он положил экраном вниз и накрыл рукой, пока устраивался на подушке. Затем натянул одеяло. Мне оставили полкровати и команду спать. Я сидела, пока от холодного пола не заболели пятки.

Утро началось с запаха растворимого кофе. Ночной голос мешал мне расслышать даже вопросы детей.

На кухне резала хлеб для двойняшек. Миша и Даша ели молча, глядя в свои планшеты. В шесть лет им полагалось спорить, у кого кусок больше, просить варенье, а не коситься на дверь спальни. Даша подняла глаза от экрана. Её ресницы были длинными, темными, как у меня.

— Мама, почему папа сегодня злой? — спросила она тихо.

Нож замер над ломтиком батона. Я попыталась улыбнуться, но мышцы лица свело, как после инъекции анестезии.

— Папа не злой, солнышко. У него много работы. Просто устал.

Денис вышел из спальни в идеально отглаженной рубашке, с портфелем через плечо. Я сама проходила утюгом каждую складку у его манжет. Еще вчера хотелось подойти и поцеловать его под подбородком. Сейчас осталась у разделочной доски.

Проходя мимо кухни, он бросил взгляд на часы на стене. Секундная стрелка дрогнула. Он проверил карман пиджака со вторым, рабочим телефоном — вдавил ладонь в ткань, будто устройство могло исчезнуть. Он не посмотрел мне в глаза. Ни разу.

— Кофе есть? — спросил он, игнорируя вопрос дочери.

— Нет, — ответила я. — Кончились зерна.

— Придется пить растворимый, — буркнул он и скрылся в прихожей.

Скрип двери. Шаги лифта. Тишина.

Я села в машину и поехала в офис. Пробки на Садовом кольце стояли плотные, красные точки навигатора ползли по маршруту как кровавые пятна. Я не могла сосредоточиться на работе. Перед глазами всплывал тот синий огонек колонки. «Баг». Слово, которое должно было успокоить, звучало как насмешка.

Вспомнила семейный доступ к iCloud. Геолокация. Функция, которую мы включили два года назад, когда Денис часто задерживался на работе и я переживала за его безопасность. Сейчас это был инструмент слежки. За ним. Или за мной?

Открыла приложение «Найти iPhone» на своем телефоне. Палец завис над иконкой. Сердце колотилось так, что больно дышать. Нажала.

Карта грузилась медленно. Интернет в пробках был нестабилен. Крутящийся индикатор превратился в пытку. Наконец, точка появилась. Она не была в нашем ЖК «Патриот». Не была в офисе IT-корпорации на Пресне.

Точка находилась в двух километрах от моего офиса. Отель «Метрополь». Карта не могла показать номер комнаты, но названия отеля мне хватило. Время последней активности метки: 03:15 ночи.

За две минуты до того, как колонка воспроизвела запись. А сам Денис в это время лежал рядом со мной.

Я резко вдавила тормоз. Автомобиль за мной просигналил, требуя объехать препятствие. Звук клаксона ударил по барабанным перепонкам. Геолокация не врёт. Или врёт? Может, он потерял телефон? Может, кто-то другой пользуется его аккаунтом? Но тогда почему он был так спокоен утром? Почему проверял карман пиджака?

За рулем я вдруг не смогла вспомнить, в какую сторону включать поворотник. Смотрела на рычажок и ненавидела себя: столько лет езжу, а сейчас мешаю людям проехать. «Баг», — сказал он. От этого слова на карте не исчезали ни отель, ни время, когда мы оба были дома.

Я доехала до офиса, но за свой рабочий стол так и не села. Укрылась в переговорной комнате, закрылась изнутри и написала Виктору.

«Виктор, нужна консультация по защите данных. Срочно. Это касается проекта "Аркадия"».

Виктор — судебный IT-эксперт, мой друг детства. В двадцать лет я плакала перед ним, узнав об измене матери. Он тогда дал мне выговориться, даже когда я повторяла одно и то же. Сейчас пришел через двадцать минут, высокий, в сером костюме, с ноутбуком под мышкой. Я убрала руки под стол, но он успел заметить, как они дрожат.

— Дело не в проекте, Алина. — Он сел напротив, положил ноутбук между нами и оставил крышку закрытой. — Что случилось?

— Там... там была запись, — я рассказала всё. Ночь, колонка, голос, фраза про руки. Рассказала про геолокацию в отеле. Про утреннюю ложь про «баг».

Виктор слушал, пока я пыталась выговорить название отеля. Я сбивалась, возвращалась к ночи, а он ждал. Только когда я закончила, открыл ноутбук.

— Геолокацию можно подделать. Спойфинг GPS — стандартная процедура. Голос тоже можно синтезировать или отредактировать. Метаданные файлов легко чистятся.

— Тогда зачем ему лгать? Зачем прятать телефон?

— Не знаю. Пока мы можем проверить только систему. Если настройки меняли, попробуем найти, кто и когда. А потом спросишь его уже не про один звук.

Я вспомнила деталь, которая ускользнула ночью. Когда колонка играла запись, свет в спальне мигнул синим. Обычно я не замечала индикатор, а теперь пыталась вспомнить каждый его всполох. Не перезагружалась ли колонка перед записью?

— Свет мигнул синим, — сказала я. — При воспроизведении.

Виктор замер. Его пальцы, лежавшие на клавиатуре ноутбука, напряглись.

— По одному цвету ничего не докажешь, — произнес он медленно. — Нужно проверить, что происходило перед записью. Если настройки меняли вручную, след может остаться. Кто-то имел физический или удаленный административный доступ к вашему роутеру и колонке.

Он подключил свой ноутбук к гостевому Wi-Fi офиса, а я открыла ему доступ к панели нашей домашней сети. Виктор запустил выгрузку сохранившихся журналов. Экран замелькал строками кода. Минут пять тишины, нарушаемой только жужжанием кулеров.

Виктор пролистал журнал вниз, затем вернулся к одной строке. Я подалась вперед, чтобы заглянуть в экран. Он перечитал ее еще раз; даже в офисном свете было видно, как он побледнел.

Глава 2

— Алина, — сказал он наконец, не отрывая взгляда от монитора. — В журнале есть команда обновления этой колонки. Сегодня, в 03:12 ночи. Код обновления... он подписан сертификатом твоего мужа. Но команда пришла с внешнего сервера компании. К этой системе имеет доступ его новая ассистентка. Марта Веретенская.

03:12. Сертификат Дениса. Внешний сервер. Я перечитала строку вслед за Виктором. Подтверждения измены у меня еще не было, а след вмешательства уже нашелся. Кто-то добрался до нашей спальни через сеть, которой распоряжался мой муж. После этой команды заиграла запись, а объясняться за нее пришлось мне. «Истеричка». Еще несколько таких ночей — и я сама побоюсь открыть рот. Этого они и добиваются.

В стекле отражался мой пустой офисный стул. На столе лежал фасад, который я собиралась сегодня согласовать. Нормальный рабочий день, с правками по карнизам и спором об оттенке штукатурки. Я повернула ноутбук обратно к себе. Если след уже найден, нужно его сохранить, пока Денис не решил, что это тоже померещилось.

Следующей ночью, в три часа, я снова лежу без сна. В спальне темно, только индикатор умной колонки на тумбочке пульсирует тусклым синим. Каждый раз жду щелчка. Денис дышит рядом тяжело, его рука лежит на моей талии. Прежде я придвигалась ближе под эту руку. Теперь прижимаю локти к бокам, чтобы он во сне не притянул меня к себе.

Голос из колонки все еще звенит в ушах. «Милый, я уже соскучился по твоим рукам». Это звучало как личное сообщение. Как голос Дениса. Его тембр, его хрипотца после сигареты (которую он якобы бросил два года назад), его интонация. Но отправлено оно было с неизвестного номера, который я видела мельком на экране блокировки телефона, когда он уснул глубже.

Его рука тяжелая. Чтобы выскользнуть из-под нее, придется перевернуться, и тогда Денис проснется. Я лежу, считая промежутки между его вдохами. Он снова хрипит носом. Можно попробовать. Мне нужно увидеть хоть что-нибудь, что останется на экране дольше одной секунды.

Осторожно вытягиваю телефон из-под его подушки. Денис чуть смещается во сне, и я останавливаюсь: край корпуса еще касается наволочки. Экран успевает погаснуть. Жду следующего вдоха, вытаскиваю телефон до конца и снова касаюсь экрана. Он требует код. Вчера тот еще подошел. А сегодня?

«120485». Денис называл это памятной датой, а я давно запомнила цифры на слух. Сейчас повторяю их про себя прежде, чем коснуться экрана: ошибиться и разбудить его страшно. Ввожу их на телефоне. Палец дрожит. Экран открыт. Теперь можно посмотреть синхронизированные файлы. Свой планшет держу рядом под одеялом: если понадобится, попробую войти в облако через браузер.

Список устройств пуст для чужих глаз, но история поиска в Safari... Она должна быть там. Он всегда искал отели вручную, если Wi-Fi в номере плохой. Я помню, как он жаловался на скорость интернета в «Метрополе», когда мы ездили туда на годовщину.

Открываю вкладку «История» и прокручиваю пустой список. Проверяю еще раз — ни адреса, ни даты. Денис жаловался на интернет, что-то искал, а мне теперь предлагают поверить, что искать было нечего.

Перехожу к файлам в облачной синхронизации: там есть папка «Рабочие заметки». Захожу. Файл «hotel_booking_template.docx» датирован вчерашним утром. Открыть нельзя. Ошибка доступа: файл поврежден или удален администратором сети.

Администратор. Я снова подумала о Денисе: он настроил все аккаунты и никогда не рассказывал мне, какие права оставил себе.

Пытаюсь открыть облако и на планшете. Вместо папки появляется уведомление: «Код подтверждения для входа в аккаунт Denis_K отправлен на устройство iPhone Denis_K».

Замираю над уведомлением. Код сейчас придет на его телефон. Я только что вернула аппарат под подушку — чтобы Денис, если проснется, нашел его на месте. А теперь сама послала туда уведомление. Вдруг он услышит? Без этого кода планшет в аккаунт не пускают.

Денис шевелится. Шумно вздыхает.

— Алинка? — бормочет он сонно. — Что ты делаешь?

От планшета светло даже на одеяле. Переворачиваю его экраном вниз, прижимаю к груди и держу за края, чтобы Денис не увидел уведомление.

— Зарядку ищу, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Разрядилась полностью. Где ты кладешь кабель?

Денис открывает один глаз. Синий свет колонки отражается в его зрачке. Он смотрит на мой планшет, потом на мои руки. Я жду вопроса: зачем прятать экран, если ищешь зарядку?

— В ящике стола, — говорит он. — Ложись. Утро тяжелое будет. Инвесторы ждут презентацию.

Денис закрывает глаз, а я все еще держу перевернутый планшет у груди. Жду, пока дыхание станет прежним. Сказать «зарядку ищу» было легко. Лежать рядом после этой лжи — гораздо труднее.

В кухне скрипит половица у холодильника. Я сама просила оставить ее: в этом звуке было что-то домашнее. Теперь по нему понимаю, что Денис еще не вошел. Можно успеть поставить оладьи детям и умыться. В зеркале над раковиной лицо незнакомое — словно я всю ночь была на чужом празднике.

На кухне двойняшки, Миша и Даша, жуют оладьи. Они молчат, глядя в свои тарелки. Я больше всего боюсь, что они спросят про вчерашний вечер. Миша толкает локтем сестру: «Мама не улыбается».

Я улыбаюсь им. Вмученно, криво.

— Доброе утро, мои хорошие.

Денис входит, свежий, выбритый, в белой рубашке, которая подчеркивает линию челюсти. Он целует меня в макушку. Губы горячие. Я отстраняюсь, делая вид, что поправляю салфетку.

— Кофе? — спрашивает он, наливая себе в кружку с надписью «Best Dad Ever». Подарок от детей прошлой весной. Сейчас эта надпись режет глаза.

— Денис, — начинаю я, стараясь говорить буднично, как будто обсуждаю прогноз погоды. — Ты вчера был в командировке в центре? В «Метрополе»?

Он не поднимает головы от телефона. Пальцы быстро скользят по экрану.

— Да. Рабочая встреча с партнерами из банка. Поздно закончили. Почему спрашиваешь?

— Просто... ночью колонка в спальне проигрывала какую-то запись. Голос твой. Странная шутка, наверное. Или баг системы.

Денис медленно кладет телефон на стол. Экраном вверх. Открывает корпоративный чат. Протягивает мне.

— Вот. Смотри. Мы сидели в конференц-зале на третьем этаже. Wi-Fi там ужасный, я жаловался. Колонка могла поймать сигнал соседнего номера или ретранслятора. Умные дома иногда глючат, Алина. Ты же архитектор, ты знаешь, какие там бывают интерференции волн.

На скриншоте их компания за столом. Время 23:45. Дата вчерашняя. Все совпадает. Хочется взять этот телефон обеими руками и рассмотреть лица, но Денис уже ждет его обратно.

Пока держу экран перед собой, он теребит манжету рубашки. Отпускает и снова тянет ткань вниз. Эта привычка появилась месяц назад. После того, как Марта стала его ассистенткой по связям с инвесторами. Раньше он никогда так не нервничал перед завтраком.

— Возможно, — говорю я, возвращая телефон. — Баги бывают.

Он облегченно выдыхает. Берет кусок оладьи.

— Тебе нужно больше отдыхать. Ты слишком много думаешь о технических мелочах. Это не твоя работа. Твоя работа — реставрация фасадов, а не разборка моего быта.

«Моего быта». Он произносит это, сидя на кухне, которую я придумала, с кружкой, которую покупала детям для его подарка. Мне хочется спросить, где в этом его быту мое место. Но двойняшки доедают оладьи. Оставляю вопрос при себе.

Оставляю их на кухне и ухожу в кабинет. Закрываю дверь; от щелчка замка хочется оглянуться, проверить, услышал ли Денис.

За компьютером открываю системную папку. Нужно найти временный файл — хоть что-нибудь от поврежденного шаблона бронирования, пока он не исчез совсем.

Компьютер тормозит. Папки загружаются секундами. Навожу курсор на «Temp_Data_0314.tmp», но он зависает. Жду, чтобы не открыть вместо файла соседнюю папку, и кликаю дважды.

Ошибка. Файл отсутствует.

Обновляю страницу. Появляется.

Снова ошибка.

Файл то появляется, то исчезает. Я кликаю еще раз и жду. Может, синхронизация, о которой он говорил? Или кто-то видит мои попытки и успевает убрать раньше. Хочется знать, а я только сижу перед сообщением об ошибке.

Звонит личный телефон. На экране вместо номера — «Неизвестный». Беру трубку, продолжая смотреть на папку: вдруг файл снова появится.

— Слушаю.

— Алина Витальевна? — голос мягкий, женский, слегка картавый. — Это служба поддержки вашего поставщика умных колонок. У нас запрос на восстановление логов активности устройства в вашем доме. Вы подтверждаете заявку?

Сердце колотится в горле.

— Я не подавала заявку.

— Заявка была оформлена через основной аккаунт владельца устройства. Денис Ковалев. Просили удалить историю последних семи дней. Но так как данные уже были запрошены судом... ой, простите, ошиблись. Просто стандартная процедура безопасности. Если вы хотите оспорить удаление данных, вам нужно обратиться к владельцу аккаунта.

Клик. Тишина.

Он удалил логи. Семь дней. Весь период подозрений. Он сделал это сегодня ночью, пока я искала зарядку. Пока он притворялся спящим.

Я ковыряю ногтем шов кресла: эту ткань выбирала сама, немаркую, прочную. Документы на квартиру подписывал Денис, пароли задавал тоже он. Раньше я радовалась, что не нужно возиться. Сейчас даже доступ придется просить у него.

Глава 3

Вечером они возвращаются домой вдвоем. Денис и Марта.

Она заходит в кухню, здороваясь с детьми громко, излишне ярко. Марта высока, худощава, в идеально сидящем костюме цвета хаки. Ее духи — тяжелые, сладкие, с нотами ванили и табака. Этот запах висел в воздухе спальни в три часа ночи.

Он идет от нее, и меня мутит; прижимаю ладонь к краю столешницы, пока Марта здоровается с детьми.

— Привет, Дашенька! Привет, Мишенька! Какие красавчики выросли! — она приседает на корточки перед двойняшками.

Дети прячутся за мои ноги. Даша шепчет: «Папина дама».

Денис смеется.

— Не будьте грубыми, дети. Марта работает со мной. Она наша помощница.

Марта выпрямляется и смотрит на меня поверх голов детей. Я жду, что она отведет глаза, хотя бы собьется на приветствии. Но она уже смотрит в сторону кабинета, словно мое разрешение осталось последней формальностью.

— Алина, я забыла оставить документы в кабинете Дениса. Можно пройти?

— Конечно, — выговариваю я. Даша прижимается к моей ноге, и я глажу ее волосы, пока Марта ждет, чтобы я освободила проход.

Она проходит мимо меня в коридор. Я слышу, как щелкает замок кабинета. Потом тихий разговор. Смех. Громкий, распушенный смех Дениса. Такой он редко смеется со мной. Только когда выпьет лишнего или когда чувствует себя безнаказанным.

Стою в гостиной лицом к закрытой двери. Десять минут слушаю, не повернется ли ручка. Марта выходит с порозовевшим лицом и влажными губами; я смотрю на них дольше, чем нужно, а она останавливается прямо передо мной.

— Денис очень занят, Алина. Ему нужна поддержка. Ты понимаешь? Не только бытовая. Эмоциональная.

Она произносит это тихо, почти одними губами, так, чтобы дети не услышали.

— Ты слишком сухая. Как твоя архитектура. Линии есть, души нет.

Она уходит. Хлопает входная дверь.

Я захожу в кабинет. Воздух густой от ее духов. На столе разбросаны бумаги. Денис сидит в кресле, просматривает отчеты.

— Ты ревнуешь? — спрашивает он, не отрывая глаз от монитора.

— Я проверяю структуру, — отвечаю я. — Как архитектор.

— Перестань копать. Это грязь.

Я опускаю глаза на пол. Рядом с мусорным ведром, среди комков салфеток и чеков из ресторана, лежит смятый листок бумаги. Белый, плотный.

Я поднимаю его. Разглаживаю на колене.

Это бланк отеля «Метрополь». Бронирование. Имя: Денис Ковалев. Дата: вчера. Номер: 405.

Время регистрации: 22:15.

Плановое время выезда: 09:00.

Протягиваю листок Денису, держа за два угла, чтобы номер и время оставались перед его глазами. Сейчас он должен ответить про 405. Я могу подождать; отвести разговор к моей усталости больше не дам.

— Объясни это.

Денис берет листок. Смотрит на него. Потом достает из кармана пиджака точно такой же чистый бланк.

— Алина, посмотри сюда. — Он показывает свой чистый бланк. — Это шаблон для внутренних заказов. Конференц-залы, номера для гостей. Я использую их для записок. Пишу на них пароли, адреса, списки покупок.

Он указывает на мой листок.

— Здесь написано имя. Но почерк не мой. Посмотри. Шрифт печатный. Это автоматическая форма, которую заполняет администратор при бронировании онлайн. А я бронировал через корпоративный портал. Система автоматически генерирует такие листки и оставляет их в папке «Принтеры». Кто-то распечатал и выбросил.

— Кто? — спрашиваю я.

— Не знаю. Может, уборщица. Может, курьер. Ты видишь там то, чего нет, потому что хочешь увидеть измену. Ты истеричка, Алина. Тебе нужен врач.

Он выбрасывает мой листок обратно в ведро.

— Иди спать. Завтра у тебя важный проект по реставрации особняка на Пречистенке. Соберись.

Мой бланк снова лежит в ведре. Денис мнет край чистого листа, затем расправляет и убирает в карман. Он говорит так связно, что я на секунду верю: правда, шаблон. Только зачем тогда мять второй лист в руке? И откуда этот «почерк», если все напечатано? Я пытаюсь удерживать два вопроса, не дать ему заговорить их еще раз.

За дверью спальни раздается тихий смех. Денис разговаривает по телефону.

— Да, Марта. Все чисто. Она поверила в шаблоны. ...Нет, она не будет искать дальше. Она боится, что сойдет с ума. ...Хорошо. Жди новостей.

Смех стихает.

Открытое окно не выветривает духи Марты. Хочу не знать ни цифр, ни записи — просто завтра везти детей, покупать хлеб. Но Денис только что сказал ей: «Она поверила». Дальше притворяться не получится.

Достала телефон и открыла браузер. Ввела в поиске: «Виктор Соколов судебный IT эксперт отзывы». Я уже разговаривала с ним, но сейчас хотела увидеть его рабочую страницу: пусть пишет о таких историях, значит, с ними приходила не только я.

Его статья на юридическом портале нашлась сразу. На фотографии он смотрел прямо в объектив, без улыбки. Узнала лицо, которое накануне склонялось над ноутбуком; снова захотелось сесть напротив и показать все, что нашла.

Подпись: «Если ваш дом против вас — я научу его говорить правду».

Открыла нашу переписку и написала Виктору: «Он стирает следы. Нужно встретиться еще раз».

Ужин закончился тем, что Денис демонстративно вынул из тарелки Миши горошину и положил обратно на салфетку. Миша потянулся за горошиной, но Денис отодвинул салфетку от его тарелки. На мой вопрос, почему в облаке синхронизации изменились права доступа к папке «Архитектура», он даже не поднял глаз. Только на щеке заходил желвак. Денис отрезал кусок стейка, прожевал и потянулся за следующим. Вопрос оставался между нами вместе с пустой чашкой.

На полке у Дашиной кровати лежит расческа с розовым зайцем. Я поправляю ее, убираю носок с пола, проверяю, не закрывает ли одеяло Мише лицо. Поправленная расческа опять ложится криво; возвращаю ее на место. Из гостиной слышно, как Денис убирает посуду. Еще немного — и пойду за ним, задам тот же вопрос в третий раз. Лучше пока расправить одеяло.

— Папа сказал, включи «умную колонку», — Миша сидел на кровати, скрестив ноги, и прикрыл ладонью колонку на тумбочке. Стоило мне потянуться к ней, он крепче прижал пальцы к корпусу. — Там есть песня для смелых мальчиков.

— Никаких колонок перед сном, Миша. Свет гаснет через пять минут, — на слове «пять» голос дрогнул. Я потянулась к устройству на тумбочке: хватит спорить, выдерну шнур из

розетки. Ладони вспотели; я вытерла их о край футболки. Такую штуку я подключала сама, десятки раз. Сейчас тоже сумею отключить.

Но стоило мне коснуться корпуса, как динамик сам по себе щелкнул. Голос Дениса, записанный ранее, мягкий, бархатный, заполнил комнату: «Милый, я уже соскучился по твоим рукам».

Миша улыбается папиному голосу. Ждет обещанную песню. Он не слышит в этой фразе ничего из того, что слышу я, и от этого мне еще хуже: нельзя даже спросить его, проигрывалась ли запись раньше, не напугав.

— Мама, ты опять ругаешься? — прошептала Даша из своей кровати. Она всхлипывала, вытирая глаза рукавом, и никак не могла выговорить следующую фразу. — Мне приснился злой робот.

Я подошла к ней, обнимая худенькое тельце. Кожа ребенка была холодной.

— Роботы не бывают злыми, солнце. Это просто программа.

— Нет, — Даша подняла глаза, серые, как небо над стройкой в ноябре. — Он говорил голосом папы. Но не так, как обычно. Он говорил, что мама... больная. Что она слышит то, чего нет. И что если мы будем слушать маму, станем такими же.

Я прижала Дашу к себе и закусила губу. Она слышала, как ее учат бояться меня. Шестилетняя девочка, которой я сегодня застегивала пальто. Хотелось выскочить в коридор и закричать на Дениса, но тогда она снова услышит только мамин крик. Я осталась у кровати, пока пальцы не разжались сами.

Глава 4

Утром первым делом прислушалась к шуму воды за дверью ванной. Денис еще в душе. За эти несколько минут надо успеть найти, откуда колонка берет запись. Вошла в детскую. Солнечные лучи резали воздух пылью. Я проверила все розетки, прикоснулась к каждому проводу, осмотрела микрофонную сетку колонки. Мои пальцы дрожали от напряжения, но я продолжала проверку: розетка, шнур, разъем. Пока у меня были эти три простые задачи, я могла держаться.

— Ты опять ищешь врагов в игрушках?

Голос Дениса раздался за спиной. Я резко обернулась. Он стоял в дверном проеме, завернутый в полотенце, с влажными волосами. Смотрел на меня, потом на разъем в моей руке. Я ждала вопроса о колонке, но он лишь покачал головой — опять со мной что-то не так.

— Здесь странная схема питания, — сказала я быстро, пряча руки за спину. Черт, зачем прячу? Это моя детская, и колонку я вправе проверить. — Возможно, перегрузка сети вызывает сбои в синхронизации файлов.

Денис усмехнулся, задержав взгляд на моих отведенных плечах. Заметил, как я прячу руки. Теперь заговорит со мной тем терпеливым голосом, от которого хочется оправдываться еще до вопроса.

— Врач говорил, тебе нужно меньше контроля, Алинка. Паранойя — это побочный эффект стресса. Ты строила здания, а теперь строишь тюрьму из подозрений. Посмотри на себя. Ты пугаешь детей.

Денис посмотрел мимо меня, на детские кровати. Мне пришлось отодвинуться, чтобы он видел, что дети спят спокойно. Я только что проверяла провод, а теперь оправдывалась за самую возможность что-то проверять. Руки за спиной держать было неудобно, но опустить их я почему-то не могла.

После завтрака я попыталась увезти детей к сестре на выходные. Даша уже искала свои ботинки. Там можно будет уложить их в комнате без колонки, а утром дать поспать, не проверяя, что за ночь появилось на телефоне.

— Куда едем? — спросил Денис, блокируя выход из гостиной своим телом. Он держал телефон, показывая экран. — Мы записаны на развивающий курс «Лидер будущего». Пропускать нельзя. Куратор пишет, что дети жалуются на нервозность мамы.

Я посмотрела на скриншот. Текст был написан грамматически верно, со сложными конструкциями. Шесть лет? Нет. Это была фальшивка, грубая и дешевая. Даже если куратор пересказал их жалобу своими словами, дети не говорили так, как было написано в приведенной «цитате».

— Это ложь, — прошипела я. — Ты фабрикуешь доказательства против меня.

— Доказательства? — Денис покачал головой, делая вид, что расстроен. — Алинка, перестань. Ты теряешь связь с реальностью. Я защищаю их стабильность. Остайся дома. Отдыхай.

Он закрыл дверь перед моим носом. Даша так и осталась с ботинком в руке; я забрала его и поставила рядом со вторым. Через несколько минут детей увели к няне. С ними Денис меня не выпустил, а теперь предлагал отдыхать в пустой квартире. Няне он тоже объяснит, от кого надо оберегать Мишу и Дашу.

Вечером позвонили в домофон. Марта.

Она пришла под предлогом срочных документов для инвесторов. Высокая, идеальная прическа, костюм цвета мокрого асфальта. Когда она вошла, дети побежали к ней навстречу. Миша обнял ее ногу, Даша потянулась за конфетой из ее сумки.

Марта присела, поправила волосы Миши. Из кухни мне был виден ее профиль; прежде чем заговорить, она повернулась чуть в мою сторону. Каждое слово долетало через открытую дверь:

— Какие же вы умницы! Папа рассказывал, что мама иногда забывает, кто главный в семье. Но вы-то знаете правду, да? Вы же любите папу больше всех?

Чашки уже стояли на подносе. Я смотрела, как Даша разворачивает конфету, и ждала, ответит ли она Марте. Дочь промолчала. Мне хватило этого молчания, чтобы выйти из кухни, а не бросить поднос в раковину.

Я вышла в гостиную с подносом. Две кружки дребезжали на блюдцах, и я крепче сжала ручки подноса.

— Чай, Марта? Или ты торопишься помочь Денису спасти его репутацию от клеветы жены?

Она посмотрела на меня, затем на дребезжащие блюдца. Хотелось наконец поставить поднос. Но Марта стояла у столика, не двигаясь, и мне пришлось подождать. Под ее взглядом я боялась расплескать чай еще сильнее.

— Спасибо, Алина. Но у нас много работы. Денис очень переживает за ваше состояние. Ему тяжело видеть, как вы страдаете от одиночества.

До коридора долетел их смех. Знакомый смешок Дениса — он так смеялся над моими шутками, когда мы только съехались. Я остановилась, надеясь расслышать, что сказала Марта. Они перешли на шепот.

Я вернулась в спальню, схватила телефон. Нужно было записать разговор в гостиной. Доказать, что она инструктирует детей против меня. Я включила диктофон, направив микрофон к стене, отделяющей нас от них.

Экран погас.

Черный квадрат. Ни звука, ни изображения. Телефон завис окончательно. Я перезагружала его, лихорадочно нажимая кнопку питания. Когда экран ожил, файлы записи исчезли. Папка «Аудио» была пустой.

Из гостиной доносился голос Дениса, спокойный, уверенный:

— Видите? Мама даже свои игрушки не может починить. Она сломана. Не бойтесь, папа починит всё, что нужно.

Я прижимала телефон к ладони так сильно, что заболела кость у большого пальца. В папке не осталось даже обрывка. Из гостиной слышалось: «Она сломана». Я села на пол между кроватью и тумбочкой — там меня не видно от двери. Плакала, зажав рот краем рукава, и злилась, что приходится прятаться даже для этого.

Ночь прошла в тревожном сне. Мне снилось, что стены дома покрыты мхом, а окна затянуты паутиной данных. Проснулась я от странного звука. Шорох бумаги. Из детской.

Я выбежала в коридор, сердце колотилось о ребра. Дверь в детскую была приоткрыта. Внутри было темно, только слабый свет уличного фонаря проникал сквозь шторы. Дети спали. Я задержалась у двери, пока не различила в темноте движение одеял: оба дышат, никто не проснулся.

На подушке Миши лежал лист бумаги. Распечатанный. Его раньше там не было.

Взяла лист за край, стараясь не задеть Мишину щеку. На бумаге была схема нашей квартиры. Узнала даже выступ стены за шкафом. Красным маркером отмечены зоны, куда не попадают датчики движения; задержала палец на одной из них, рядом с детской кроватью. Подпись внизу: «Точка входа: вентиляция детской. Ключ: Денис».

Пометки совпадали с планировкой. Я сама знала эти слепые зоны, но никогда не рисовала их красным и не оставляла на детской подушке. Хотела бы радоваться: кто-то помогает. Вместо этого подумала, как легко сюда вошли, пока Миша спал.

В углу потолка, над дверью, мигнул красный диод видеонаблюдения. Камера, которую я считала отключенной. Подняла ли я лист достаточно высоко, чтобы в объектив попали пометки?

Я сжала влажную бумагу в руке. От бумаги шел резкий химический запах. Я поднесла край ближе к лицу, пытаясь уловить знакомый парфюм. Но пахло свежей краской, почти как озоном после грозы. Знакомый запах реставрационной мастерской. Такой бумагой мы с Виктором пользовались, когда он проверял мои схемы слаботочных сетей. Но я не могла узнать автора по запаху.

Впервые за неделю уголок губ дернулся вверх. Я накрыла схему ладонью, заслоняя от камеры. Теперь у меня было что проверить.

Так вот где твоя ошибка, мой дорогой муж.

Глава 5

Утро пахло острым кофе и дешевой парфюмерией из лифта бизнес-центра «Сфера». Я стояла перед зеркалом в холле, поправляя воротник своего единственного делового пиджака. На локте ткань лоснилась; я расправила рукав и повернулась к зеркалу другим боком. Вчера отгладила пиджак, особенно плечи. Пусть хотя бы одежда не дает повода спросить, что со мной. Пиджак застегнула, чтобы пальцы больше не возились с пуговицей. Сегодня мне нужен был ответ, а не разговор о том, почему я опять плачу.

Перед выходом открыла на старом телефоне локальный архив камер — он не синхронизировался с облаком. Нашла визит Марты три недели назад: она подключала кабель к роутеру. В ночном файле она входила в детскую со схемой. Значит, ночной «подарок» на подушке тоже её. Скопировала ролик.

Я знала, где искать. Марта. Его новая ассистентка по связям с инвесторами. Даже сейчас помнила, как она смотрела на дрожащие блюда у меня в руках. Будто ждала, когда я их уроню. Сегодня у неё было совещание с Денисом по реставрации фасада их нового офиса. Проект, который я разрабатывала полгода назад, пока еще могла работать ночами. Теперь его показывал Денис, а меня в кабинетах знали как его жену.

Секретарь на ресепшене даже не подняла глаз от монитора.

— Пропуск?

— Срочный вопрос от гендиректора, — сказала я ровно, кладя на стойку планшет. На обложке красовалась его подпись, сделанная три дня назад. Он забыл дома, когда торопился на утренний созвон. — Денис Валентинович просил передать материалы по фасаду.

Секретарь хмурилась, сверяясь со списком. Пауза затянулась. Захотелось подтолкнуть планшет поближе: подпись Дениса на виду, чего она медлит? Вместо этого я убрала ладонь со стойки, чтобы не заметила дрожь. Я следила за ее пальцем над списком: найдет фамилию или позовет Дениса? Если меня сейчас развернут, я снова стану той сумасшедшей женой, которая бежит за мужем по коридорам. И Марта успеет узнать, с чем я пришла, раньше, чем я увижу ее лицо.

— Проходите, пятый этаж, переговорная «Орбита», — наконец выдавила она.

На пятом этаже я задержала ладонь на кнопке открывания дверей: нужно было еще раз вдохнуть, прежде чем войти. В переговорной уже показывали мой фасад. Пять человек слушали Дениса. Марта поправляла микрофон на его лацкане; микрофон был закреплен, а она все еще держала пальцы на рубашке. Он даже не отстранился. Мне захотелось поправить ему рубашку самой, убрать ее руку — и от этого желания стало противно.

Денис заметил меня раньше остальных. Он перестал говорить на середине слова. На экране был именно тот вариант, против которого я возражала полгода назад. Хотя один повод заговорить здесь у меня был совершенно рабочий.

— Алина? Ты почему здесь?

Марта не обернулась. Она продолжала смотреть на экран, демонстративно игнорируя моё появление.

— По техническому вопросу, — мой голос прозвучал тише, чем я хотела, но тверже. Я подошла ближе, чувствуя запах её духов — сладкий, приторный, вызывающий тошноту. — Касательно материалов для южного фасада. Там нужен ответ специалиста. Именно ваш, Марта. Вы же ведете закупки.

Денис напрягся. Марта медленно повернула голову. Она улыбнулась, но сразу же посмотрела на Дениса: ответить мне самой или он вмешается?

— Я передам информацию поставщикам, Алина. Не вижу необходимости обсуждать это при инвесторах.

— Необходимость есть, если вы хотите избежать судебных исков за нарушение архитектурного кода, — отрезала я.

На ее телефоне горела красная точка. Марта пишет разговор. Я вдруг представила, какой кусок она оставит Денису: мой дрожащий голос, никакого фасада. Улыбнулась ей. Раз она так любит записи, пусть запишет и мой следующий вопрос.

— Знаете, Марта, я восхищена вашей осторожностью, — произнесла я мягко, почти интимно. — Внедрять новые технологии безопасности в дом начальника... Это требует смелости. Особенно когда речь идет о таких деликатных вещах, как умные колонки.

Лицо Марты дрогнуло. За последние дни я выучила ее привычку: улыбаться, пока я отвожу глаза. Сейчас улыбка пропала. Я подождала, не помогая ей закончить улыбку. О фасаде она отвечала сразу; о колонках еще не сказала ни слова.

Денис встал между нами. Теперь, чтобы смотреть на Марту, мне пришлось бы отойти в сторону, а он уже обращался ко мне:

— Алина, ты перегружена. Тебе нужно домой. Отдыхать. Мы закончим позже.

Один из инвесторов опустил глаза к папке. Остальные ждали, когда я уйду. У меня горели щеки; хотелось повторить вопрос громче, заставить Дениса ответить при них. Но Марта уже держала телефон наготове. Ей только моего крика не хватало.

— Хорошо, Денис. Я поняла.

Я сделала шаг назад, якобы сдаваясь. Достала телефон и, «споткнувшись», выронила его на стол прямо перед Мартой. Запись уже шла; экран остался включенным, камерой вверх.

— Ой, простите! — я изобразила неловкость, которую ненавидела в себе всю жизнь. — Поднимете? Руки немного дрожат... нервы ни к черту после бессонных ночей.

Марта колебалась. Секунда. Две. Она взяла телефон. Её пальцы коснулись корпуса, оставляя жирные отпечатки на экране блокировки. Марта вернула мне телефон и на секунду взглянула прямо в объектив. Я забрала его, продолжая изображать растерянность. Одна эта запись ничего не доказывала, но ее реакцию на вопрос о колонках я сохранила.

Я вышла в коридор, захлопнув дверь за собой. Сердце билось где-то в горле. Здесь было пусто, только гул вентиляции. Через минуту появилась Марта. Она шла быстро, взгляд бежал по сторонам.

— Нам нужно поговорить, — бросила она сухо.

— Давай, — я заблокировала ей путь к лифту, прислонившись спиной к стене. Шепотом, имитируя голос из ночного сообщения, я произнесла: — «Милый, я уже соскучился по твоим рукам».

Она дернулась к моему телефону. Я успела убрать его за спину; Марта остановилась, стиснув пальцы.

— Ты больная, — процедила она. — Сейчас я вызову охрану. Тебя выведут отсюда.

— Вызови, — я достала свой второй телефон, старый, с плохой камерой, но работающей. На экране проигрывалось видео. Зернистое, снятое скрытой камерой в нашей квартире три недели назад. Дата доставки документов. Марта стоит среди гостиной. Она наклоняется к задней панели нашего роутера, вставляет кабель. Я придержала телефон так, чтобы Марта видела и свое лицо в кадре.

— Это вторжение в частную жизнь, — сказала я тихо. — Статья 138 УК РФ. Плюс незаконный доступ к компьютерной информации. Ты хочешь объяснять это полиции или Денису?

Марта смотрела на экран. Её губы побелели. Я дала ролику дойти до того места, где она наклонялась над роутером. Сейчас скажет, что это не она? Марта смотрела, не пытаясь уйти к лифту.

— Это... проверка системы, — прошептала она, и в её голосе впервые послышалась трещина страха. — Денис просил обновить протоколы безопасности. Я просто выполняла работу.

— Работа, которая включает подмену файлов в личном облаке моего мужа? — я шагнула ближе. — Ты взламываешь не сеть компании, Марта. Ты играешь в кукловода.

Она схватила меня за локоть, сжимая так, что ногти впились в ткань пиджака. Я чуть не выронила телефон. Прижала его к груди, чтобы она не выхватила его второй рукой.

— Забудь об этом, — шипела она. — Удали запись. Я уберу все следы. Вернись к роли тихой жены. Виктора лучше не привлекать. Этот твой друг детства... он может навредить детям. Представляешь, что будет, если полиция заинтересуется семьей с двумя малолетними свидетелями?

Я смотрела на ее ногти и думала о двух детских кроватях. Она знала, куда нажать. Но зачем просить удалить видео, если это действительно обычная проверка? Не стала спрашивать вслух. Пусть думает, что я занята только страхом.

— Мне нужно подумать, — сказала я, пытаюсь высвободить руку.

Марта выдохнула, ослабляя хватку. Впервые за весь разговор отвела глаза от телефона. Я опустила его, поддерживая ее надежду: да, испугалась, больше не покажу.

Именно в этот момент в конце коридора показался Денис. Его шаги были тяжелыми, быстрыми. Он увидел нас вместе, и его лицо исказилось от гнева.

— Что происходит? — рыкнул он, подходя вплотную. — Алина, ты преследуешь моих сотрудников? Объясни, какого черта ты делаешь в коридоре с моей ассистенткой?

За Денисом осталась приоткрытая дверь. Он мог отвести меня в сторону, а говорил громче. Марта отдернула руку, которую все еще держала возле моего локтя: при нем ей тоже хотелось выглядеть аккуратно.

Я посмотрела на Дениса. Потом на Марту. Она замерла, ожидая приговора.

— Мы обсуждали дизайн детской комнаты, — спокойно сказала я, доставая из папки распечатанный эскиз. На листе были кровати и цветовые палитры. Держалась за эту ложь: пусть посмотрит на эскиз, только не на телефон. — Я хочу сделать ремонт своими руками. Нужен совет по цветовой гамме. Марта разбирается в интерьерах.

Денис взял листок. Посмотрел на схемы кроватей, на цветовые палитры. Он перевернул лист, поискал что-то на обороте и вернул его лицевой стороной вверх. Теперь можно будет посмеяться над тем, из-за чего я приперлась.

— Ради этого ты врываешься в офис? — фыркнул он. — Алина, у тебя проблемы с концентрацией. Позвони Виктору, пусть поможет найти психолога.

Денис унес эскиз в переговорную. Марта следила за листком, будто с ним исчезло ее право приказать мне уйти. Локоть пульсировал. Я поправила рукав и не дала ей увидеть, насколько больно.

— Ты играешь опасную игру, — сказала она тихо.

— А ты начала её первой, — ответила я, убирая телефон в карман.

Я вышла из здания «Сферы», вдыхая прохладный московский воздух. Утреннее солнце било в стекла так ярко, что после переговорной пришлось прикрыть глаза ладонью. Я проверила, осталась ли запись. Руки тряслись, и солнце мешало увидеть экран. После двух попыток нашла файл. Можно идти дальше.

Телефон в руке вибрировал. Сообщение от неизвестного номера.

«Вы слишком умны для своей же безопасности. Следующий шаг будет последним. — М.»

Я еще раз открыла сохраненный файл. Угроза по-прежнему висела сверху, закрывая часть экрана. Смахнула ее. Марта добила своего: я и правда боялась за детей. Но видео удалить уже не заставит.

Улыбка вышла кривой. Локоть, который она сжала, еще болел.

Пусть пока думает, что я пошла домой выбирать цвет обоев.

Глава 6

В кабинете Громова пахло антисептиком. Он крутил золотую ручку над бланком. Пока я рассказывала про колонку, ни разу не спросил, сколько длилась запись. Зато имя Дениса записал сразу.

— Алина, — начал он мягко, но с той интонацией, которая предшествует приговору. — Вы говорите о взломе умной колонки, о подмене файлов, о геолокации мужа. Это... навязчивые идеи. Параноидальный бред.

Под столом я стиснула кулаки. Ноготь впился в ладонь; хотелось попросить его повторить последнее слово. Неужели он уже вписал его в бланк? Разжала пальцы, достала телефон с доказательствами, которых он не попросил.

— У меня есть доказательства, доктор. Метаданные, логи роутера. Я архитектор-реставратор, я вижу структуру там, где другие видят хаос. И структура здесь сломана.

Громов вздохнул, подтягивая к себе бланк.

— Ваша одержимость деталями мешает вам видеть целое. Ваш муж Денис очень беспокоится. Он считает, что вы перегорели. Я не могу выдать справку об адекватности. Рекомендую амбулаторное наблюдение. Мы будем отслеживать динамику вашего состояния.

На бланке еще не было подписи. Смотрела на пустую строку: что там останется, если встану — мое имя или «отказалась». Доктор уже держал ручку над бумагой. Я взяла сумку. Пусть пишет. Сидеть и просить его поверить мне больше не могла.

В машине набрала адвоката, Игоря Сергеевича. После долгих гудков он ответил сухо, официально.

— Алина, нам нужно поговорить. Сегодня утром поступил иск от Дениса.

Сердце пропустило удар.

— Какой иск? О разводе?

— Нет. О лишении родительских прав. На основании «неадекватного поведения матери, представляющей угрозу для детей». К иску приложены скриншоты вашей переписки с этим вашим другом, Виктором. Там обсуждаются методы взлома, слежка, прослушка. Юридически это выглядит как подготовка к киберпреступлению и попытка манипуляции сознанием детей через страх.

Виктор объяснял в переписке, зачем сохранять журналы. Теперь из нее сделали подготовку к преступлению. Держала телефон у уха: только бы Игорь не закончил разговор, не услышав хоть одну целую фразу из тех сообщений.

— Игорь, это подлог! Мы проверяли сеть, чтобы защититься. Посмотри переписку целиком.

— В суде важно не то, что было на самом деле, Алина, а то, как это выглядит для третьих лиц. Сейчас ты выглядишь как женщина, потерявшая связь с реальностью. Денис играет чисто. Ты должна быть осторожна. Очень осторожна.

Я сбросила вызов. Руки мелко тряслись. Стены машины казались слишком тесными. Нужно домой. Нужно спрятать улики.

Дома Даша и Миша играли в гостиной. Дочь что-то объясняла брату; я не разбирала слов: в ушах еще звучало «лишение родительских прав». Денис стоял на кухне спиной ко мне, складывал блокноты с чертежами домашней сети. Узнала загнутый угол верхнего. Я спрятала их в детском шкафу, за вещами, из которых двойняшки выросли. Он добрался и туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.